

Примечания:

Шигун – учитель учителя.

Хэфэн – тёплый ветер.

Лунцзы – дитя дракона.

Потеряв счёт времени, я собираю телом снежинки до тех пор, пока волосы и одежда, мокрые, не липнут к коже. Лишь тогда я покидаю персиковую рощу, выйдя к дворцу Безмятежности. Двери в покои учителя ожидаемо закрыты в такую погоду. Уставившись на них, я вновь замираю на месте, не зная, что делать дальше.

В таком виде меня и застаёт Цянь Синьюнь.

- Учитель!

Немного криво расшитые ученические одежды юноши значительно теплее моих, а кожа не успела ни побелеть, ни покраснеть от холода. Ученик почтительно кланяется мне, и улыбка укрощает его лицо, делая похожим на ребёнка.

- Этот ученик рад возвращению учителя! – с умильной искренностью признаётся Цянь Синьюнь и вдруг каменеет. – Учитель, сколько времени вы провели на улице?

Я, наконец, прихожу в себя в полной мере.

- Я должна отвечать? – брови сдвигаются к переносице. Снег продолжает оседать на мне – холод снаружи вполне соответствует тому холоду, что я держу внутри.

Цянь Синьюнь стыдливо закусывает губу. То, что именно стыдливо, выдают не прикрытые собранными волосами алые кончики ушей.

- Этот ученик просит прощения за бестактность.

Получив в ответ кивок, он добавляет:

- И всё же этот ученик хотел бы услышать ответ на свой вопрос.

Послушный и почтительный юноша проявляет упрямство, и прежде мною в нём замечаемое. Понимание того, что оно может стать большой проблемой, не приносит мне радости: возможно, однажды мальчишке придётся узнать, что бывает, когда уважаемый учитель ломает своего ученика вместе с его молодостью и упрямством.

- Я залюбовалась снегопадом.

Сейчас же действительно следует сменить одеяния и согреться. Золотое ядро защищает от болезней, но неуязвимой оно меня сделать не способно.

Цянь Синьюнь просит дозволения проводить меня до покоев. Лишь когда я моюсь в натасканной им горячей воде и переодеваюсь в сухое, плотное и чистое, он, сидящий под дверями в коридоре, успокаивается и с приподнятыми уголками губ наливает мне чай. Мстительная натура требует проверить знания, полученные из отданного ему перед медитацией свитка, но то требует выхода на улицу и мечей в руках. Вместо этого я спрашиваю про Бай Хэпина.

- Шигун не появлялся во Дворце Безмятежности вот уже долгое время, - сообщает юноша.

Рука с чашкой замирает, так и не донеся чай до рта.

- Правда? Уверена, что видела его в персиковой роще, - говорю я, осознавая, что Бай Хэпин не счёл нужным предупредить адептов дворца, куда уходит.

- Этот ученик не видел шигуна больше месяца. Правы были старшие.

Свет и мягкость в глазах ученика при последней фразе заставляют волоски на руках встать дыбом.

- О чём ты?

- Старшие говорили, что шигун непременно вернётся тогда, когда вернётесь вы, учитель.

Пальцы лишь на миг ослабевают - и, упав, хрупкая чашка разбивается. Цянь Синъюнь удивлённо охает. Я втягиваю воздух носом:

- Прибери здесь. И поменьше слушай сплетни. Ученику дворцу Безмятежности это не пристало. То, о чём говорят твои старшие, тебя не касается.

Ученик мог бы мне возразить. Не исключено, что Ло Чжун ляпнула что-то подобное в ответ на его расспросы, значит, никаких подслушиваний и не было. Но юноша, слишком воспитанный и чуткий, не возражает. Он принимается за уборку. Поглядев на него какое-то время, я открываю книгу с делами дворца. Почерк ученика, писавшего в неё в моё отсутствие, аккуратен и практически идеален. В нём чувствуется старательность и желание похвалы по возвращении. Шисюн Хэ когда-то был таким же.

Так мы и работаем в тишине до отбоя.

С наступлением утра Бай Хэпин объявляется во дворце. Я узнаю об этом первой, встретив его на тренировочной площадке. Погружение в обязанности старшего адепта и прошедшая ночь позволили мне немного успокоиться, потому я приветствую учителя с выражением должной почтительности. Получив от него ответный кивок и, увидев, что он остановился неподалёку, намереваясь понаблюдать за моей тренировкой, я изображаю обеспокоенность:

- Учитель, вы уединялись в бамбуковой хижине? - подходящее место для непродолжительных уединённых медитаций.

Бай Хэпин чуть склоняет голову.

- Эта ничтожная ученица просит прощения за доставленные учителю неприятности. Эта ученица не должна спрашивать, но она волновалась. Эта ученица... понимает, что чуть не довела учителя до искажения ци.

Немного подумав перед сном, я сумела понять, что же именно произошло в персиковой роще. Учитель слишком долго передавал мне духовную энергию, выравнивая её течение. Его тело и разум ослабели, из-за чего у него и помутился рассудок. Потому он и ушёл в такой спешке и не показывался во дворце до этой минуты.

Талант Бай Хэпина действительно вызывает восхищение: он быстро привёл себя в норму.

- Этот учитель ни в чём не винит свою ученицу, - отзывается мужчина привычно ровным

голосом, и я убеждаю себя в том, что права. Тот поцелуй ничего не значит. Ни для него, ни для меня.

Меч в руке ощущается легче прежнего, и мне не терпится проверить обновлённую себя в условиях реального боя. Учитель вдруг останавливает меня и оказывается за спиной.

- Тебе пора изучить Удар Дракона.

Техника, которую может выполнить только тот, у кого есть золотое ядро. Помню, я впервые заметила всё внешнее великолепие Бай Хэпина именно тогда, когда он применил её на моих глазах. Зачарованная, Ли Ляньхуа ловила каждый взмах его клинка, не понимая, что теряет голову.

Мужчина мягко направляет мою руку. Он учил меня так и прежде, но прежде таким урокам не предшествовал поцелуй. Вместо того чтобы концентрироваться на учёбе, я стараюсь держать лицо. Лишь когда Бай Хэпин отходит посмотреть на мои движения, я чувствую что-то, похожее на облегчение. И всё же он ещё поправляет меня несколько раз.

Проходит неделя, и в одну снежную ночь прибегает ученик из главного дворца: шибо Нин собирает всех учителей и старших адептов.

- Кто-то пострадал? – спрашивает Бай Хэпин, подходя к взмыленному посыльному. Он тяжело опирается рукой о дверной косяк, от волнения и усталости позабыв о приличиях.

- Да... нет... не знаю! Учитель всё скажет, мне пора идти!

Глотнув воздуха, юноша исчезает в коридоре, взмахнув белоснежными полами, сверкающими золотом. Сидящие в библиотеке соученики замолкают, побросав свои книги. Ещё несколько минут назад они собирались отходить ко сну после вечерних чтений, сейчас же нервно переглядываются, не шепчась лишь из уважения к учителю. Я же, поднявшись с нагретой подушки, приближаюсь к Бай Хэпину. Стоит мне с ним поравняться, как мужчина тут же уходит.

Больше, чем дворец Безмятежности, я ненавижу только главный дворец. Принадлежащий главе школы, он выделяется на фоне остальных своими размерами и показной величественностью. Его облачённых в бело-золотые одежды учеников всегда видно издалека, ведь они так и призваны блистать на солнце, задирая свои носы выше облаков. И пусть их учитель уступает в мастерстве Бай Хэпину, именно в их дворце происходят все основные события: там принимают гостей, там проводятся важные собрания, там... судят людей.

Подгоняемые снегопадом, идём мы довольно быстро и вскоре оказываемся на месте. Летом из-за близости к яблоневому саду у главного дворца всегда пахнет яблоками, однако сейчас деревья стоят, покрытые белым, источая лишь холод и угрозу в ночном свете. Наступив на ещё не заметённые следы чужих ног, Бай Хэпин останавливается у входа со статуями волшебных зверей по бокам.

- Учитель? – я вопросительно приподнимаю брови.

Как бы сильно я ни ненавидела место, хранящее воспоминания о моей смерти, войти туда всё же придётся. Бай Хэпин оборачивается на меня, будто я могла не следовать за ним или исчезнуть, подобно призраку, после толкает двери.

Нас встречают нервные, покусывающие губы ученики. Как бы они ни любили находиться в

центре событий, происходящее этой ночью им явно не нравится. Юноша и девушка провожают нас до малого зала, где проводятся совещания среди ведущих представителей школы, и закрывают за нами двери. Мы пришли последними.

- ШиДи Бай, - Нин Хэфэн встаёт из-за своего стола. - Проходите.

Бай Хэпин садится по правую руку от главы школы, моё место рядом, чуть позади, как и у остальных старших адептов, сидящих за своими учителями. Пока я сажусь, то чувствую липкий взгляд присутствующих в зале людей. На горе Нинцзин пять дворцов, пять старших учителей и пять старших адептов, и каждый знает историю Ли Ляньхуа. Хотя формально я ей больше не являюсь, моё лицо напоминает всем присутствующим об ученице, опозорившей себя, своего учителя и их светлую школу.

На губы просится усмешка: «Однажды им придётся узнать правду. И получить такой же «справедливый» суд, какой они провели надо мною».

- Два месяца назад близ Леса Тысячи Битв участились нападения живых мертвецов, и главный дворец трижды высылал учеников разобраться с проблемой. Ни один так и не вернулся, - Нин Хэфэн поправляет золотой рукав. - Только сегодня мы получили сигнальный огонь. Вместе с рукой одного из адептов.

В пустое пространство посреди стоящих аркой столов выходит старший адепт шибо Нина и укладывает на пол свёрток. Из-под светлой ткани выглядывают скрюченные пальцы, сжимающие полуистлевший призывной талисман. Сидящая ближе всех к руке глава дворца Великолепия прикрывает лицо рукавом. Я поступаю так же, чтобы скрыть брезгливость. Дело вовсе не в червячке жалости: кусок плоти, скорее всего, принадлежал мальчишке.

- Дашисюн, почему было не прибегнуть к помощи других дворцов?

Нин Хэфэн достаивает учителя нечитаемым взглядом, но губы его слегка кривятся. Ещё в годы первого ученичества я находила забавным, насколько вежливое имя главы школы не сочетается с его натурой.

Как и большинство прославленных заклинателей, шибо Нин не обделён внешней привлекательностью и успехами на тропе самосовершенствования. Ещё будучи старшим адептом, он в одиночку сразил ужасного змея, поглотившего не одну невинную душу в приграничных лесах, показывал обширные знания в любых областях и был гордостью своего учителя. Однако всегда был тот, кто убил чудовище страшнее, кто знал больше, кем гордились сильнее, - Бай Хэпин.

Бай Хэпин - действительно покой, порой раздражающий, порой дающий трещину. Нин Хэфэн же скорее тлеющие угли, чем тёплый ветер.

- Прошло слишком мало времени, чтобы тревожиться, - вздыхает глава школы. - Последняя группа учеников состояла из наиболее способных юношей и девушек. Они бы справились с живыми мертвецами, какими бы лютыми те ни были.

- Очевидно же, что мы имеем дело с кем-то ещё! - высказывается глава дворца Нравственности. - Я не встречал ещё ни одного мертвеца, который бы додумался угрожать заклинателям!

- Потому мы все сейчас здесь, шиди, - успокаивает его шибо Нин, у которого прежде дёрнулась бровь. Впрочем, вряд ли кто-то, помимо меня, наблюдавшей за ним, обратил на это внимание.

Это ведь только я мечтаю пронзить его Мечом Рассекающим Душу столько же раз, сколько он хотел пронзить меня.

Бай Хэпин ни с того ни с сего оглядывается на меня.

- Ли Лунмин, есть предположения?

Я на мгновение теряюсь, прежде чем соображаю, что учитель никогда не спрашивает, если не считает, что я могла бы знать ответ. Но откуда?.. В новелле такого не было, да и ему неоткуда про новеллу знать! Если только!..

- Возможно, это как-то связано с событиями в Приграничных Землях и с Печатью Мертвецов, что мы там обнаружили? – неуверенно отзываюсь я.

Мужчина удовлетворённо кивает, и сам пришедший к подобной мысли, и смотрит на остальных присутствующих. О той ситуации всем в верхушке школы давно известно.

- Но разве Печать Мертвецов не была передана в Небесные Чертоги? – глава дворца Великолепия выражает сомнение, хотя, скорее пытается скрыть страх.

- Это означает лишь то, что тот, кто за этим стоит, достаточно хитёр и могущественен, чтобы Печать украсть, – качает головой Бай Хэпин. – Известен ли тебе другой артефакт, привлекающий всякую тёмную тварь, шимэй?

- Это могут быть лишь твои домыслы, шиди, – возражает Нин Хэфэн. – Появление Печати Мертвецов обеспокоило нас всех, однако она надёжно сокрыта. Более вероятно, что кто-то согнал мертвецов в одно место, чтобы привлечь наше внимание, утаив другое чудовище.

Предположение главы школы нравится другим учителям и старшим адептам гораздо больше, чем наши с учителем подозрения. Чудовище могущественные заклинатели способны одолеть, а вот неизвестного, вооружённого Печатью Мертвецов...

- Но разве это не очевидная ловушка? – предполагает кто-то. – Сначала обратить взор заклинателей на Лес Тысячи Битв, после заставить собраться в нём сильнейших из всех, прислав руку одного из учеников? Насколько разумным должно быть чудовище? И какая у него цель? Чудовища такого ума обычно служат сильнейшим последователям тёмного пути.

Лишь когда речь стихает, я понимаю, что говорившим человеком... была я.

Взгляды собравшихся режут, как неправильно используемые струны гуциня. До того, как хоть кто-то успеет открыть рот, я склоняюсь в низком поклоне и восклицаю:

- Эта презренная ученица просит простить её несдержанность!

Чрез завесу волос я вижу, как старший ученик в белых с золотом одеждах, хмыкает:

- Кому, как не шимэй Ли, знать о последователях тёмного пути.

Уголок губ против воли стремится вверх, отражая внутреннюю ярость. Бай Хэпин перехватывает меня за запястье и крепко стискивает его, удерживая от ещё одной порции непрошенных слов.

- Моя ученица сотворила что-то, о чём мне неизвестно? – спокойно спрашивает учитель, когда я уже разогнулась из поклона.

Старший адепт главного дворца давится воздухом. Лицо мальчишки, полное высокомерия, так и говорит: «Как можно спрашивать?!» Гораздо более вспльчивый, чем я, он хочет что-то сказать, но шибо Нин останавливает его наигранным смехом:

- Молодости, как известно, свойственна горячность.

Его лёгкость подхватывают другие учителя и их ученики, и лишь мы с учеником шибо Нина поджимаем губы, понимая, что этой фразой глава отсылался к нам обоим.

Однако я не обманываюсь: ученик Нин Хэфэна озвучил то, о чём подумали все присутствующие в зале. Все они вспомнили, как Ли Ляньхуа поддалась соблазну пути тьмы. Только вот... та девочка никогда его не практиковала.

- Моя ученица проявила неуважение, высказавшись столь смело без дозволения, но в её словах есть здравый смысл, - возвращает всех к теме собрания Бай Хэпин.

Заклинатели вмиг замолкают, на их лицах проступают удивление и некоторое недоумение. Я и сама не избегаю подобной слабости, с неохотой признавая, что учитель защищает меня. Только вот сколько бы раз он ни делал этого для Ли Лунмин, Ли Ляньхуа он предал.

- Расставив ловушку, сможет ли тёмный заклинатель удержать в ней нас? - вопрошает Нин Хэфэн. - Как последователи светлого пути мы должны узнать, что произошло с нашими учениками и защитить людей. Неужели действительно нашлась такая сила, которая решится погубить нас всех? Даже князь демонов не переходит черту!

Принятое к середине ночи решение отправиться в Лес Тысячи Битв я воспринимаю со злостью и разочарованием. Самоуверенность и глупость ещё никогда до добра не доводили... уж мне ли этого не знать, если по их вине я умерла во второй раз, сунувшись в силки Фэн Цзяньсюэ.

Волнует ли меня возможная гибель школы Нинцзин? Нет. Меня волнует лишь то, что погибнуть могу я сама, отправившись вместе с ними, в то время как на горе из старших останется лишь глава дворца Великолепия.

- Глупость какая, - я беззвучно шевелю губами.

Доверить главе дворца Великолепия защиту школы - всё равно, что оставить без защиты вообще. Каковы бы ни были её успехи на тропе самосовершенствования, она труслива и ведома. Сочетание столь же плохое для неё, сколь выгодное для других.

После собрания Бай Хэпин задерживает женщину у подступов к главному дворцу и о чём-то говорит с серьёзным лицом. Судя по нахмуренным бровям заклинательницы, слова соученика её не вдохновляют, но и отмахнуться от них из почтения она не может. Я наблюдаю за старшими в стороне, стоя неподалёку под каменным львом, сторожащим вход в главный дворец. Шевеление сверху побуждает вскинуть голову - и я вижу, как со зверя спрыгивает мальчишка в белых с золотом одеждах.

- Дашисюн Шэнь, - осточертевшая сухая улыбка неохотно наползает на губы.

Старший адепт Нин Хэфэна кривится, что не придаёт ему привлекательности, и так испорченной надменностью. Когда мы стоим рядом, он возвышается на голову.

- Шимэй Ли.

За приветствием ничего не следует. Ученик шибо Нина просто пронзает меня взглядом, ожидая непонятно чего, и, когда я отступаю на шаг, идёт следом.

- Дашисюн Шэнь? – тело напрягается, готовое в любой момент отразить угрозу.

Старший адепт, уловив моё беспокойство, отворачивает голову и порывается уйти, но останавливается на половине шага.

- Ты была в Приграничных Землях, - спиной ко мне говорит юноша. – Печать Мертвецов действительно так могущественна, как о ней болтают?

Его вопрос застаёт меня врасплох: мне казалось, мальчишка собирается сказать очередную гадость.

- Её стоит остерегаться, дашисюн.

Услышав мои слова, Шэнь Лунцзы цыкает языком и запускает пальцы за пазуху, извлекая стопку талисманов разного назначения. Перебрав их, он отделяет несколько алеющих киноварью бумажек и впихивает мне в рукав. От неожиданности я отпрыгиваю назад, чуть не врезавшись спиной во второго каменного льва у дверей.

- Мне не...

Мой порыв отдать заклинания пресекается без слов: юноша запрыгивает на крышу и убегает. Действительно убегает! Только воспоминание о полных презрения янтарных глазах и остаётся.

<http://tl.rulate.ru/book/86356/2761125>